

Независимо от того, что думали другие, Чжоу Яньсянь обнял за плечи Жун Юэ и Лин Сяо и повёл их за собой. Жун Хуай, стоя позади, волновался так, что сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Жун Юэ был спокоен, Чжоу Яньсянь настаивал на том, чтобы держать его за плечо, и ему пришлось смириться. Лин Сяо же чувствовал себя неловко:

— Старший, я Лин Сяо, одноклассник Жун Юэ.

— Младший, меня зовут Чжоу Яньсянь.

Услышав это имя, лицо Лин Сяо исказилось:

— Так это ты Чжоу Яньсянь!

Чжоу Яньсянь прищурился, в его глазах промелькнул холод:

— Ну?

Лин Сяо тут же сменил тон:

— Старший, твоя красота известна даже нам, ученикам младших классов.

Чжоу Яньсянь был знаменит, и одна из причин — его лицо. Говорили, что он нравится и парням, и девушкам, и у него беспорядочная личная жизнь. Другая причина — Чжоу Яньсянь был отличным бойцом и часто без причины ввязывался в драки, избивая многих.

Жун Юэ взглянул на лицо Чжоу Яньсяня, не соглашаясь с Лин Сяо, и продолжил смотреть на дорогу.

На самом деле Чжоу Яньсянь был общительным, а Лин Сяо умел поддерживать разговор. Всю дорогу они болтали без остановки. Жун Юэ отвечал только тогда, когда его звали, остальное время молча шёл.

В его глазах всё было абсурдно. Чжоу Яньсянь был гордым павлином, но израненным, ползающим по земле. Лин Сяо же был подсолнухом, растущим на солнце, каждый лепесток которого впитывал солнечный свет и не терялся в темноте, выглядел куда лучше Чжоу Яньсяня.

Они шли по дороге, и когда Чжоу Яньсянь улыбался, прохожие чаще всего оборачивались.

То, что затягивает в бездну, всегда привлекает, а ядовитые цветы всегда самые яркие в саду.

Жун Хуай удивлялся, почему его сын дружит с Чжоу Яньсянем. На самом деле странно было то, почему Лин Сяо дружит с ним. Он и Чжоу Яньсянь были обитателями умирающих могил, а Лин Сяо — лучом света, рождённым под радугой.

На восточном рынке цветочных ларьков было немного, но Лин Сяо активно бегал туда-сюда, рассматривая цветы.

Чжоу Яньсянь стоял в стороне, скрестив руки, а Жун Юэ, в мягких перчатках, молча стоял рядом.

— Не ожидал, что у тебя есть такой друг, — сказал Чжоу Яньсянь, его серьга сверкала в

зимнем солнце.

Жун Юэ спокойно ответил:

— У каждого есть друзья.

Чжоу Яньсянь повернулся к нему, широко улыбаясь:

— Мне нравится смотреть на твои различные маски.

Говорят, время лечит всё.

Но такие, как Чжоу Яньсянь и Жун Юэ, никогда не изменятся.

Люди встречают злых, жестоких, сталкиваются с насилием и понимают, что это плохие люди. Они не знают, что в глубине человека скрывается ещё более страшная тьма. Такие люди не преклоняются перед насилием, они выходят на свет и прячутся рядом с прекрасными цветами. Украшенные цветами, они обладают красотой, привлекающей бабочек.

Они используют ослепительную внешность, чтобы скрыть внутренний ужас. Они знают, что такое любовь, но не могут правильно относиться к светлой стороне человеческой природы. Они не творят зла, но находятся во влажном, тёмном подвале, и если кто-то обманом подойдёт туда, то мгновенно будет осквернён и поглощён.

*

Я — кладбище, которое ненавидит даже луна.

*

Чжоу Яньсянь и Жун Юэ стояли вместе, и это было красиво, как картина.

Продащица цветов, которой нужно было уйти пораньше, настойчиво вручила каждому по горшку с цветами.

Чжоу Яньсянь и Жун Юэ несли горшки с анютиными глазками, а Лин Сяо — с хризантемой. Они вместе пообедали, Чжоу Яньсянь щедро заплатил, а затем повёл их гулять. Так как каждый нёс горшок с цветами, они не могли далеко уйти и вскоре разошлись.

Лин Сяо и Чжоу Яньсянь шли в одну сторону, а Жун Юэ отказался от их сопровождения.

— Старший, ты неплохо ладишь с Жун Юэ? — спросил Лин Сяо Чжоу Яньсяня.

Чжоу Яньсянь улыбнулся:

— Ну, нормально.

Лин Сяо почесал голову, немного смутившись, но всё же сказал:

— Тогда могу я спросить, какие отношения у Шэнь Мянэ и Жун Юэ?

Он боялся вызвать недоразумение и добавил:

— Я не любопытствую, но немного беспокоюсь за него. Если это неудобно, я больше не буду

спрашивать.

Чжоу Яньсянь удивился, увидев смущённое лицо Лин Сяо, и улыбнулся. Он, как и Жун Юэ, хотя, возможно, всегда будет во тьме, но всё же радуется за такие светлые души:

— Между ними ничего нет, не беспокойся.

Лин Сяо вздохнул с облегчением и на следующем перекрёстке попрощался с Чжоу Яньсянем.

Чжоу Яньсянь помахал ему, но как только Лин Сяо повернулся, его улыбка исчезла.

Тем временем Жун Юэ тоже вернулся домой. Жун Хуай оставил ему записку, в которой говорилось, что он ушёл по делам и не будет дома на ужин, поэтому Жун Юэ должен был сам позаботиться о еде. Под запиской лежали деньги.

Жун Юэ молча кивнул и в ужин вышел из дома. На улице он встретил госпожу Лю, которая, с материнской заботой, спросила:

— Маленький Юэ, куда ты идёшь?

— За ужином, папа сегодня не будет дома, — ответил он.

Госпожа Лю улыбнулась:

— Приходи ко мне поесть?

Жун Юэ согласился и, чтобы не приходиться с пустыми руками, принёс с собой анютины глазки, которые подарил госпоже Лю.

Жун Юэ сидел на диване, а госпожа Лю открыла пианино в гостиной и начала импровизировать. Ей было за 30, она выросла в беззаботной обстановке, и на её лице всегда была лёгкая улыбка. Жун Юэ смотрел на то, как она играет, и вдруг вспомнил свою мать.

Их семья была обычной, и они не могли позволить себе такие инструменты, как пианино. Он даже не знал, что его мать умеет играть. Пока однажды она не отвела его в Лунчэн и не зашла в музыкальный магазин. Получив разрешение владельца, она открыла крышку пианино, села и изящно сыграла мелодию.

Её длинные волосы мягко спадали на плечи, а тонкие пальцы легко порхали по чёрно-белым клавишам. Эта женщина была потрясающе красива.

Закончив играть, она взяла его за руку и ушла.

— Жун Юэ, это не навык, это просто пища для моей души.

Она воспринимала всё прекрасное, что привлекало людей, как корм для своей души. Когда её грязная душа излучала смертельную притягательность, она, как падший демон, становилась на колени перед людьми, прося их съесть её раздувшуюся душу.

Госпожа Лю закончила играть, и дверь открылась. Шэнь Мянью вернулся домой после занятий.

Он стоял в вечерних сумерках, глядя на Жун Юэ в своём доме.

— Сын, иди сюда, — госпожа Лю уступила место.

Шэнь Мянью положил рюкзак и, как сказала мать, сел за пианино, положив длинные пальцы на чёрно-белые клавиши.

Жун Юэ спрыгнул с дивана, подошёл к нему и спросил:

— Есть ли песня, которая звучит так?

Он начал напевать мелодию, которую играла его мать.

— Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля...

Его голос был чистым и звонким, с неприкосновенной лёгкостью.

Шэнь Мянью, следуя его напеву, начал играть.

Солнце село, вокруг стало темно, и госпожа Лю вспомнила, что нужно включить свет.

В этот момент полной темноты Жун Юэ всё ещё мог разглядеть очертания Шэнь Мянью. Он напевал песню и, как мотылёк, увидевший свет, тихо приближался к нему.

Если человек кормит свою душу только для того, чтобы однажды быть съеденным, тогда...

Шэнь Мянью, съешь меня.

Съешь мою хрупкую и самодовольную грязную душу.

Когда мелодия закончилась, в гостиной остались только Жун Юэ и Шэнь Мянью. Госпожа Лю уже хлопотала на кухне. Шэнь Мянью сидел за пианино и улыбался Жун Юэ:

— Как ты оказался у меня дома?

Жун Юэ сдержал желание подойти ближе и остался на месте:

— Папа сегодня не будет дома, тётя пригласила меня поесть.

— Хорошо, госпожа Лю иногда скучает одна, ты можешь приходить почаще, чтобы составить ей компанию.

Шэнь Мянью встал и похлопал его по голове.

<http://bllate.org/book/16180/1451336>